

Глава 3

«Я за то глубоко презираю себя...» — неудача в поэтизации экономики

1

В этой главе объектом «экономического» исследования будет стихотворение Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...». Приведем его полный текст по изданию 1879 года (воспроизведенный в Полном собрании сочинений), поскольку существующие немногочисленные разночтения (в частности, в издании 1856 года последняя строка читалась «А до дела дойдет — замирает рука!») не затрагивают те фрагменты, которые будут нас интересовать:

(Из Ларры)

Я за то глубоко презираю себя,
Что живу — день за днем бесполезно губя;

Что я, силы своей не пытал ни на чем,
Осудил сам себя беспощадным судом

И, лениво твердя: я ничтожен, я слаб! —
Добровольно всю жизнь пресмыкался как раб;

Что, доживши кой-как до тридцатой весны,
Не скопил я себе хоть богатой казны,

Чтоб глупцы у моих пресмыкалися ног,
Да и умник подчас позавидовать мог!

Я за то глубоко презираю себя,
Что потратил свой век, никого не любя,

Что любить я хочу... что люблю я весь мир,
А брожу дикарем — бесприютен и сир,

И что злоба во мне и сильна и дика,
А хватаясь за нож — замирает рука!

(1, 42)

В конце жизни Некрасов сделал к этому стихотворению на полях книги примечание: «Неправда. <Это слово относится к подзаголовку>. Приписано Ларре по странности содержания. Искреннее. Написано во время гощения у Герцена. Может быть, навеяно тогдашними разговорами. В то время в московском кружке был дух иной, чем в петербургском, т.е. Москва шла более реально, нежели Петербург (см. книгу Станкевича)» (1, 583).

Это примечание ставит ряд вопросов. Во-первых, что вкладывает Некрасов в слово «искреннее»? Очевидно, что он не хочет сказать тем самым, что остальные его стихотворения неискренние, поскольку искренность — это и есть, если можно так выразиться, родовое свойство лирической поэзии. Видимо, слово «искреннее» обозначает здесь какое-то специфическое качество этого текста. Какое именно качество имеется в виду? Во-вторых, что, с точки зрения Некрасова, делало содержание стихотворения «странным»? К. Чуковский в своей статье о деньгах в поэзии Некрасова видел «странность» «Я за то глубоко презираю себя...» в выраженном в нем желании стать богатым: «Какой поэт в лирических стихах осмелился бы так открыто заявить, что он жаждет богатства, потому что богатство обеспечит ему власть над людьми, то есть иными словами — свободу <...> Содержание и в самом деле было «странное» — особенно на фоне множества тогдашних стихов (в том числе и некрасовских), где <...> высказывалось такое резкое осуждение всякому, кто так или иначе стремится к богатству»¹. Многие факты указывают, однако, на то, что такое стремление в русской литературе к тому времени стало вполне «законной» поэтической темой.

Требует объяснения и еще одно обстоятельство, связанное с этим стихотворением. Написанное в середине 40-х годов, оно было напечатано Некрасовым только в 1856 году в сборнике «Стихотворения Н. Некрасова». При этом из 73 стихотворений, вошедших в книгу, только 17 напечатано впервые, остальные уже публиковались в журналах или альманахах. Подавляющее большинство из напечатанных впервые стихотворений было написано в 1855 или 1856 годах, то есть в то время, когда этот сборник уже готовился Некрасовым. И только три текста, впервые напечатанные в «Стихотворениях Н. Некрасова», датируются столь давним временем, как 1846 год. Это «Родина» (1846) (напечатано в сборнике под названием «Старые хоромы»), «Так, служба, сам ты в той войне...» (1846) и «Я за то глубоко презираю себя...». Причины задержки публикации первых двух стихотворений вполне очевидны. «Родину»

¹ Чуковский К. И. Тема денег в творчестве Некрасова // Чуковский К. И. Люди и книги. М., 1960. С. 282.

Некрасов еще в 1847 году пытался напечатать в «Современнике», но не получил цензурного разрешения². Стихотворение «Так, служба, сам ты в той войне...» не публиковалось долго, очевидно, по творческим причинам. В конце жизни Некрасов сделал к нему примечание, объясняющее отсутствие у него желания и читать и печатать его в течение столь долгого времени: «Отнести в приложение. Не люблю этой пьесы, хотя буквально она верна — слышал рассказ очевидца Тучкова (впоследствии московского генерал-губернатора)» (1, 591). О творческих или цензурных препятствиях к публикации «Я за то глубоко презираю себя...» ничего не известно. Кроме того, если та же «Родина» задолго до публикации была хорошо известна в кругу Белинского (сам великий критик воспринял ее восторженно³), распространялась в рукописях (1, 585–587), то ни о каком допечатном распространении, чтении «Я за то глубоко презираю себя...» ничего не известно. Первые списки этого стихотворения появились не раньше середины 50-х годов (наиболее ранний известный список — запись в альбоме Я. Полонского, где оно датировано 1851 годом⁴). Таким образом, до начала 50-х годов об этом стихотворении (далеко не худшем в этот период) никто не знал, в том числе и наиболее близкие поэту люди, вроде Белинского, что выглядит очень нетипично для литературных отношений, царивших в этом круге и принятых самим Некрасовым.

Вероятно, Некрасов скрывал «Я за то глубоко презираю себя...» так долго потому, что оно оказалось слишком откровенным, указывало на какие-то реальные обстоятельства. И именно это и нужно понимать под его «искренностью». И в этом также и «странность» стихотворения, заставившая автора приписать его испанскому сатирику Ларре. Что же такое высказано в нем, что сделало его «непечатным» на долгое время? Вслед за Чуковским мы полагаем, что ключ и к пониманию того, что Некрасов имеет в виду под «странностью содержания» и «искренностью» стихотворения, и объяснению того, почему он так долго его удерживал в секрете, находится именно в четвертой и пятой «экономических» строфах. Дело, однако, не в выраженном желании обогатиться и видеть перед собой пресмыкающихся глупцов, а в том, кого Некрасов имел в виду под этим завидующим ему «умником».

² Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966.

С. 93–94.

³ См. об этом, в частности: Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 286.

⁴ ИРЛИ, 11 697, л. 31.

2

Крайне важным является вопрос о точной датировке текста. Она до сих пор вызывает споры. В «Собрании стихотворений» 1879 года указана дата — 1847, заведомо неверная. В Солдатенковской тетради Некрасовым стихотворение датировано 1846 годом. Правильность этой датировки вызывала сомнение. К. И. Чуковский, например, полагал, что в 1846 году Некрасов не мог гостить у Герцена, а гостил только в 1845 году⁵. Однако позднее были найдены убедительные доказательства того, что и в 1846 году Некрасов приезжал в Соколово⁶. Следовательно, авторское указание верно. Поэтому именно 1846 годом стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...» датируется в академическом собрании сочинений Некрасова. Однако, остались не проясненными слова Некрасова о «реальном» направлении «Москвы» с указанием на книгу А. Станкевича «Тимофей Николаевич Грановский. (Биографический очерк)» (М., 1869). Дело в том, что содержание этой книги трудно соотносить с выраженными в «Я за то глубоко презираю себя...» идеями. Комментаторы первого тома Полного собрания сочинений Некрасова так интерпретируют это несоответствие: «В ней (книге Станкевича. — М. М.), действительно, сообщалось о «реалистическом направлении» передовой московской молодежи, увлекавшейся естественными науками (с. 218), но эта тема в стихотворении не отражена. Ссылаясь на книгу Станкевича, Некрасов, видимо, хотел косвенно указать, что стихи написаны под впечатлением политической проповеди Герцена, прозвучавшей в его спорах с Грановским (в книге Станкевича о них рассказывается довольно подробно)» (1, 583–584). Однако не похоже и на то, что в стихотворении говорится что-то о политике или о революционной проповеди (вероятно, комментаторы имели в виду заключительные строки: «И что злоба во мне и сильна и дика, / А хватаясь за нож — замирает рука!», которым революционный смысл можно приписать только с очень большой натяжкой).

В новейшей «Летописи жизни и творчества Некрасова» дата «1846» оспорена и стихотворение отнесено к 1845 году: «Такое решение (датировать текст 1846-м годом. — М. М.) представляется сомнительным, во-первых, потому, что само стихотворение Некрасова не носит «ярко выраженного политического характера», во-вторых, потому, что спор Герцена-материалиста с Грановским-идеалистом о «единстве души и тела» в 1846 г.

⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. I. М., 1948. С. 519–520.

⁶ См.: Блинчевская М. «Написано во время гощения у Герцена» // Вопросы литературы. 1971. № 8.

<...> не имел политического оттенка, а в-третьих, потому, что в отличие от пребывания Некрасова в Соколове летом 1845 г. краткий деловой визит его к Герцену в 1846 году трудно назвать гощением⁷. Эти аргументы нам представляются неубедительными. Третий пункт возражений выглядит особенно сомнительным: любой визит, независимо от его длительности, может быть назван «гощением» без особенных натяжек. Два первых пункта опровергают только интерпретацию комментаторов Полного собрания сочинений того, что имел в виду Некрасов, указывая на книгу Станкевича, и что он понимал под «реальным» направлением. Доказывают же они только то, что отсылка к книге о Грановском, скорее всего, ошибочна и поэтому не должна играть важной роли в вопросе о датировке стихотворения. Книга Станкевича вышла в конце 60-х годов, и несоответствие сделанного в 1877 году указания Некрасова ее содержанию, скорее всего, свидетельствует о том, что он не помнил ее в деталях и понимал под «реальным» направлением что-то другое. Поэтому датировка летом 1846 года должна быть сохранена уже по слабости аргументов против нее.

Мы хотим привести еще один косвенный аргумент в пользу 1846 года как даты создания стихотворения. Известно, что «Я за то глубоко презираю себя...» в значительной степени является подражанием стихотворению А. В. Кольцова «Расчет с жизнью» (1840). Приведем его текст также полностью:

Жизнь! зачем ты собой
Обольщаешь меня?
Почти век я прожил,
Никого не любя.

В душе страсти огонь
Разгорался не раз,
Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас.

Моя юность цвела
Под туманом густым, —
И что ждало меня,
Я не видел за ним.

⁷ Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. С. 522.

Только тешилась мной
Злая ведьма-судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба:

Только зимней порой
Меня холод знобил;
Только волос седой
Мои кудри развил;

Да румянец лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на нем
Ядом слез провела.

Жизнь! зачем же собой
Обольщаешь меня?
Если б силу бог дал —
Я разбил бы тебя!..⁸

Большое количество переключек делает несомненным «кольцовский» подтекст «Я за то глубоко презираю себя...». Н. Н. Скатов справедливо утверждает, что «без большой натяжки поэт мог бы дать своему стихотворению подзаголовок «Из Кольцова». Некоторые строки его — это почти перевод кольцовского «Расчета с жизнью» <...> Дело даже не в собственно литературном влиянии, но в родстве состояний и типов, за этими стихами стоящих»⁹.

Именно в 1846 году вышел сборник стихотворений Кольцова с предисловием Белинского, изданный Некрасовым и Прокоповичем. В этом же году кольцовский круг тем и понятий активизировался в творчестве Некрасова (например, в стихотворении «Огородник»). Этот контекст, а не конкретные детали споров Грановского с Герценым в Соколове, как нам кажется, объясняет, что понимал Некрасов под «реальным» направлением. Дело в том, что творчество поэта-прасола играло важную роль в формировании

⁸ Кольцов А. В. Сочинения. С. 163–164.

⁹ Скатов Н. Н. Алексей Кольцов // Скатов Н. Н. Сочинения: В 4 т. Т. 2. СПб., 2001. С. 126–127.

в первой половине 40-х годов направления мысли того круга, к которому принадлежал Некрасов. В это время круг Белинского проповедует отказ от идеализма, признавая за высшие и подлинные только самые «земные» человеческие устремления. Поэтизацию таких устремлений видел в этих кольцовских стихах Белинский, которому «Расчет с жизнью» был посвящен. В своего рода «сопроводительном» письме (декабрь 1840 года) Кольцова Белинскому к этому стихотворению (первоначально называвшемуся «Жалоба») говорится: “Жалобу” я посвятил вам потому, что в ней много сказано от души и про вас, и про меня. В этой стороне нашего жития у меня с вами много схожего. Конечно, если напечатать ее в журнале, то посвящение можно будет замарать. Я вовсе не думал посвятить вам печатно, а лишь положить ее на ваше чувство»¹⁰. Кольцов, очевидно, угадал настроение Белинского. Критик в письме Н. А. Бакунину (6–8 апреля 1841 года) цитирует это стихотворение, противопоставляя реальную жизнь бесплодному идеализму, стремлению «в облака»:

Есть наслаждение мчаться верхом на лошади, скакать на лихой тройке в санях, есть наслаждение сорить деньги, хорошо пообедать, временем выпить порядочно; но выше всего — женщина <...> Я говорю по опыту: малого я не хотел, и лишился всего, и нечем помянуть юность. Назади и впереди — пустыня, в душе — холод, в сердце — перегорелые уголья, которые и в самовар не годятся.

1

В душе страсти огонь
Разгорался не раз,

2

Но в бесплодной тоске
Он сгорел и погас.

Да, ни одного образа, который бы я мог назвать своим и милым; я один в мире, мое сердце ни для кого не бьется, потому что для него не билось ни одно сердце.

Всем постылый, чужой,
Никого не любя,
В мире странствую я,
Как вампир гробовой.

¹⁰ Кольцов А. В. Сочинения. С. 351.

Я очерствел, огрубел, чувствую на себе ледяную кору; я знаю, что живому человеку тяжело пробыть со мною вместе несколько часов сряду. Внутри все оскорблено и ожесточено; в воспоминании — одни промахи, глупости, унижение, поруганное самолюбие, бесплодные порывы, безумные желания. Я никого впрочем, не виню в этом, кроме самого себя и еще судьбы. Такова участь всех людей с напряженною фантазией, которые не довольствуются землею и рвутся в облака. Мой пример должен быть для Вас поучителен. Спешите жить, пока живется. Любите искусство, читайте книги, но для жизни (т. е. для женщины) бросайте и то и другое к чорту¹¹.

При той близости, которая была у Некрасова с Белинским в 1845–1846 годах, вряд ли он мог не знать об этом «диалоге» критика и поэта. Кроме того, Белинский и Некрасов совместно готовили к печати книгу Кольцова¹².

К середине 40-х годов под «земным» мыслители круга Белинского-Герцена начинают понимать все более и более «низменные», практические стороны жизни, то есть прежде всего связанные с экономикой. Этот новый «реализм» в крайнем виде представлял «москвич» В. П. Боткин, который, правда, не был в Соколове в 1846 году. В письме П. В. Анненкову 20–26 ноября 1846 года он пишет: «Пока промышленные интересы у нас не выступают на сцену, до тех пор нельзя ожидать настоящей деятельности в русской литературе <...> Видите, законы промышленности вошли уже в русскую литературу, а ведь это сделалось на наших глазах; за десять лет об этом слуха не было»¹³. И несмотря на то, что Белинский выражал неудовольствие тем, что ему казалось крайностью в позиции Боткина, в письме ему от 29 января 1847 года («Скажу тебе правду: твое новое практическое направление, соединенное с враждою ко всему противоположному, произвело на нас всех равно неприятное впечатление, на меня первого»¹⁴), его собственные высказывания в этот период изобилуют коммерческими планами, в них встречаются полушуточные-полусерьезные высказывания, подобные сделанному в письме А. И. Герцену от 14 января 1846 года из Петербурга: «Бедность не порок, а хуже порока. Бедняк — подлец, который должен сам себя презирать, как парию, не имеющую права даже на солнечный свет»¹⁵ (поэтому вы-

¹¹ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976–1982. Т. 9. С. 460–461.

¹² Оксан Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 411.

¹³ Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 256.

¹⁴ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 605.

¹⁵ Там же. С. 578.

раженное в стихотворении «Я за то глубоко презираю себя...» презрение к себе, в том числе, за свою бедность не выглядит ни странным, ни особенно искренним).

И то желание скопить «богатую казну», которое выражено в некрасовском тексте, но отсутствует в «Расчете с жизнью», вполне типично для кольцовской поэзии. Казна (обычно «золотая казна») не раз встречается в ней как вполне достойный предмет человеческих устремлений:

Даст казачка мне
Денег пригоршни.
Я зашью казну;
Сберегу казну;
Ворочусь в село —
Прямо к старосте;
Не разжалобил
Его бедностью, —
Так разжалоблю
Золотой казной!..¹⁶
(Косарь, 1836)

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талан —
Силу крепкую...¹⁷
(Раздумье селянина, 1837)

¹⁶ Кольцов А. В. Сочинения. С. 94–95.

¹⁷ Там же. С. 103.

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит.

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет,
Путь снежком порошит,
Под санями хрустит.

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну,
Бражку ковшиком пьют¹⁸.
(«Что ты спишь, мужичок?..», 1839)

Белинский при этом различал коммерцию как низкое торгашество и честную коммерцию. Торгаш чужд всяких духовных запросов, честный коммерсант и есть высшее воплощение этих запросов. И именно Кольцов, вероятно, ретроспективно был интерпретирован как образец практического человека, стремящегося не к идеальному миру, но к тому, чтобы стать честным капиталистом. В статье Белинского «О жизни и сочинениях Кольцова» различие между торгашом и честным капиталистом рассматривается как различие между обладателями больших и мелких капиталов: «Все эти дела он вел и ладил... Но в это время они начали тяготить его, и в нем всё больше и больше усиливалось отвращение к ним. Это не было следствием пошлого идеальничанья, которое любит одни облака и не любит земли; нет, тут был другой, благороднейший источник. Кольцов полагал большое различие между купцом-капиталистом, которому не только необходимо — даже выгодно быть честным, потому что честность дает кредит, а без кредита большая торговля невозможна, и между мелким торговцем, которого положение всегда скользко, ненадежно, неопределенно, который всегда принужден вертеться ужом и жабоу, кланяться, подличать, божиться, натягивать всеми правдами и неправдами...»¹⁹ Таким образом, само стремление обогатиться,

¹⁸ Кольцов А. В. Сочинения. С. 146.

¹⁹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 94.

получить как можно более денег, ворочать как можно большими капиталами совпадает со стремлением к честности. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что «реальность» в примечании Некрасова отсылает именно к этому направлению умов Москвы и Петербурга и, значит, прежде всего к «экономическим» строкам стихотворения «Я за то глубоко презираю себя...»²⁰ Однако это же означает и то, что желание накопить богатую казну не было «странным». Наоборот, оно было вполне естественным для Белинского и его круга. Его не требовалось скрывать. Оно уже было канонизировано в фигуре Кольцова, его жизни, и нашло отражение в его поэзии. Следовательно, «странность» некрасовского текста заключается в чем-то другом.

В каком смысле можно говорить об искренности в стихотворении, представляющем собой подражание? Очевидно, что и подражание может быть выражением подлинных чувств автора при условии сходства между двумя поэтами: подражателя и объекта подражания. Для Белинского Кольцов стал предметом особого интереса еще и потому, что был его поклонником и верным учеником, готовым воплощать идеи учителя в своем творчестве и жизни²¹. Некрасов сблизился с Белинским так же, как и Кольцов: как уче-

²⁰ К в чем-то схожим выводам пришел, вероятно, одновременно с нами Н. Н. Пайков. Так он пишет: «В этих словах (имеются в виду слова о большей «реальности» Москвы, чем Петербурга. — М. М.) Некрасов, по нашему мнению <...> прямо характеризовал позицию «москвичей» (В. П. Боткина, Н. Х. Кетчера, К. Д. Кавелина, Е. Ф. Корша и др.) как более реальную (практическую), чем позиция «петербуржцев», ориентированных именно на идеологический (т. е. «идеальный»), а не «материальный» (он же «утилитарный») результат, отстаивавшийся «москвичами». — *Пайков Н. Н.* «Человек жизненной рутины» в поэзии Н. А. Некрасова. Статья первая. Этика жизнестроительства // *Русская литература.* 2006. № 4. С. 21. Статья эта, однако, в значительной степени написана в духе традиционных размышлений о «двойственности» личности Некрасова.

²¹ Например, в воспоминаниях И. И. Панаева Кольцов так отзывается о своих отношениях с великим критиком: «Белинский единственный человек у нас в настоящее время, владеющий эстетическим вкусом и понимающий искусство. Его немногие ценят, особенно из ваших петербургских литераторов, — это очень жаль-с... И какой светлый ум у этого человека! Какое горячее, благородное сердце! Я обязан всем ему; он меня поставил на настоящую мою дорогу; без его советов я не решаюсь теперь печатать моих мараний: он мне говорит всегда, что нужно выкинуть, что исправить, что вовсе бросить. Уж он так добр ко мне, такое участие принимает во мне!» (*Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 141).

ник-простец с учителем-мудрецом²². Даже хронологически это выглядит так, как будто Некрасов тут же заменил Белинскому ушедшего Кольцова в качестве ученика: осенью 1842 года Белинский узнает о смерти Кольцова²³, а уже в феврале следующего года знакомится с Некрасовым и берет его под свое «покровительство»²⁴. В значительной степени воспроизводил Некрасов и образ Кольцова-предпринимателя, вынужденного вести грязную жизнь мелкого торговца, но стремящегося к тому, чтобы стать крупным и честным капиталистом. И. И. Панаев вспоминал: «Он с каждым днем более сходил с Белинским, рассказывал свои горькие литературные похождения, свои расчеты с редакторами различных журналов и принес однажды Белинскому стихотворение “На дороге”».

Некрасов произвел на Белинского с самого начала очень приятное впечатление. Он полюбил его за его резкий, несколько ожесточенный ум, за те страдания, которые он испытал так рано, добываясь куска насущного хлеба, и за тот смелый практический взгляд не по летам, который вынес он из труженической и страдальческой жизни — и которому Белинский всегда мучительно завидовал.

Некрасов пускался перед этим в издание разных мелких литературных сборников, которые постоянно приносили ему небольшой барыш... Но у него уже развивались в голове более обширные предприятия, которые он сообщал Белинскому.

Слушая его, Белинский дивился его сообразительности и сметливости и восклицал обыкновенно:

— Некрасов пойдет далеко... Это не то, что мы... Он наживет себе капиталец!

²² «В 1843 году, — вспоминал впоследствии П. В. Анненков, — я видел, как принялся за него Белинский, раскрывая сущность его собственной природы и ее силы, и как покорно слушал его поэт, говоривший: «“Белинский производит меня из литературного бродяги в дворяне”» (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. 3. СПб., 1912. С. 552.)

²³ Кольцов умер 19 октября 1842 года в Воронеже. Белинский узнал о его смерти около 20 ноября того же года. (Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. С. 341)

²⁴ Время знакомства Белинского с Некрасовым уточнено в кн.: Мельгунов Б. В. Некрасов и Белинский в «Литературной газете»: хроника, гипотезы, находки. С. 46.

Ни в одном из своих приятелей Белинский не находил ни малейшего практического элемента и, преувеличивая его в Некрасове, он смотрел на него с каким-то особенным уважением»²⁵. Это одобрение именно к коммерческой жилке Некрасова и уважительное отношение к «капитальцу», который готов нажать себе его ученик, безусловно, — следствие того же «реального» направления, предпочтения большого капитала мелкому.

О том, насколько важен был для отношений Белинского и Некрасова пример Кольцова, насколько Некрасов был готов подражать поэту-прасолу в стремлении стать честным капиталистом, соединяющим практицизм с высокими запросами духа, говорит до сих пор не получившее объяснения намерение Некрасова в начале июня 1846 года открыть книжную лавку. Об этом плане сообщает Белинский в письме М. Белинской (11–12 июня 1846 года): «Некрасов будет в Петербурге к августу. Он открывает книжную лавку и тотчас же займется печатанием моего альманаха. Открытие лавки очень выгодно для моего альманаха, так же как мой альманах очень выгоден для лавки. Деньги для лавки дают ему москвичи»²⁶. Возникновение этого коммерческого проекта, как нам представляется, связано именно со стремлением Некрасова воплотить в своей жизни тот же самый образец — в цитированной статье о Кольцове Белинский пишет: «Кольцов не боялся дела, но не любил низости и грязи. Волею и неволею был он с детства завербован в эту грязную деятельность; напряженный раз, терпеливо тащил свою ношу в надежде будущих благ; но по временам эта ноша доводила его до отчаяния. С последней поездки в Москву эти минуты уныния, апатии и тоски стали являться чаще. Одна надежда облегчала их. По отстройке дома он думал сдать отцу приведенные им в порядок дела по степи, а самому заняться присмотром за домом и открыть в нем книжную лавку. Это значило бы для него примирить потребности своей натуры с внешней деятельностью»²⁷. Книжная лавка становится своего рода экономическим идеалом, гармонично сочетающим коммерцию и духовность. И Некрасов, кажется, был готов попытаться этот идеал осуществить (или, во всяком случае, говорил об этом Белинскому)²⁸.

Таким образом, подражая обращенному к Белинскому стихотворению Кольцова, Некрасов выражает то, в чем он имитирует Кольцова в жизни. Поэтому «Я за то глубоко презираю себя...», будучи в значительной степе-

²⁵ Панаев И. И. Литературные воспоминания. С. 285.

²⁶ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 600.

²⁷ Там же. Т. 8. С. 94.

²⁸ Отметим, что деньги на реализацию этого идеала давали реалисты-«москвичи».

ни подражанием конкретному стихотворению Кольцова и перепевом многих кольцовских мотивов, может вполне восприниматься как «искреннее» в самом простом смысле слова, то есть как текст, выражающий чувства и желания самого Некрасова. Эта искренность касается и содержания стихотворения, и самой «настроенности» его на чувства Белинского.

Однако идиллические отношения учителя-Белинского и ученика-Некрасова потерпели крушение. Личность и судьба умершего к тому времени Кольцова были для Белинского удобным материалом для создания в статье «О жизни и стихотворениях Кольцова» идеализированного образа честного капиталиста. Его нетрудно было представить как человека, погруженного в «грязную» жизнь мелкого предпринимателя, но тяготившегося ею и стремившегося стать предпринимателем крупным, честным и отдающим дань высоким запросам духа, потому, что Кольцов не распространил свои интересы капиталиста на литературу (не открыл книжную лавку, например). В случае Некрасова теоретические построения Белинского и его круга вступили в серьезное противоречие с реальной жизнью.

Как хорошо известно, камнем преткновения в отношениях Некрасова и Белинского стала история с арендой в 1846 году «Современника» и отстранением критика от участия в доходах от журнала. Именно в этом случае прагматика экономических отношений (требовавшая сократить число лиц, имеющих право на долю в доходах от журнала) вступила в видимое противоречие с более абстрактными гуманными, человеческими требованиями (проявить благодарность и сознание высокого долга перед учителем). Поступок Некрасова, несмотря на его ясные и рациональные практические мотивации, экономически безупречные, был подавляющим большинством общих знакомых воспринят как безнравственный. По их мнению, Некрасов использовал популярное имя критика, а также предоставленный им собранный для альманаха Белинского материал в целях собственного обогащения. Критик в результате не получил ничего, кроме новой зависимости, на этот раз от своего преданного ученика²⁹. Сам Белинский,

²⁹ Приведем только суждение Кавелина, как наиболее типическое: «Говорилось, что это будет журнал Белинского <...> Белинский попал на удочку с всегдашней своей младенческой доверчивостью. Что Панаев стал редактором «Современника» — это было еще понятно. Он дал деньги. Но каким образом Некрасов, тогда малоизвестный и не имевший ни гроша, сделался тоже редактором, а Белинский <...> оказался наемщиком на жалованье, — этого мы не могли понять, негодовали, подозревали Некрасова в литературном кулачестве и гостиннодворничестве, которые потом так блистательно им доказаны» (*Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб., 1899. Т. 3. С. 193*).

пережив острое и горькое разочарование в своем «ученике», позже более взвешенно и, можно сказать, самокритично оценил его поведение и его мотивации в известном письме И. С. Тургеневу (13 марта 1847 года): «Мне теперь кажется, что действовал он честно и добросовестно, основываясь на объективном праве, а до понятия о другом, высшем, он еще не дорос, а приобрести его не мог по причине того, что возрос в грязной положительности и никогда не был ни идеалистом, ни романтиком на наш манер. Вижу из его примера, как этот идеализм и романтизм может быть благодетелен для иных натур, предоставленных самим себе. Гадки они — этот идеализм и романтизм, но что за дело человеку, что ему помогло отвратительное на вкус и вонючее лекарство <...> еще далеко не очистился от грязи своей прежней жизни, привычек и понятий»³⁰. Как видно из этой цитаты, Белинский оказался вынужден признать неудачу синтеза высоких нравственных ценностей и экономической рациональности («объективного» и «высшего» права, в его терминологии) в ситуации, когда интересы «романтика» и «идеалиста» пересеклись с интересами «честного капиталиста». Примирительный тон Белинского и относительная реабилитация им «идеализма» и «романтизма» в цитированном высказывании связаны и с косвенным признанием своей теоретической ошибки: стремление к большому богатству само по себе еще не означает стремления к преодолению низости и грязи, но вполне может с ним сочетаться.

Говоря об этой истории, до сих пор ставящейся в вину Некрасову³¹, нельзя обойти вопроса о том, сознательно ли Некрасов выстраивал свой образ «для Белинского» по образцу Кольцова? Как кажется, его поведение было такого выстраивания не чуждо³². Об этом говорит, в частности, позднее неотправленное письмо Салтыкову-Щедрину (апрель или май 1869 года), представляющее собой ответ на обвинения, выдвинутые против поэта Тургеневым, опубликовавшим в 1869 году в своих воспоминаниях о Белинском цитированный нами фрагмент из письма критика. Мучи-

³⁰ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 625–626.

³¹ Обзор посмертных обвинений Некрасова (В. Розановым, С. А. Венгеровым, Р. В. Ивановым-Разумником) представлен в кн.: *Евгеньев-Максимов В. Е. Н. А. Некрасов и его современники М., 1930. С. 76–77.*

³² Любопытно, что и такой проницательный биограф Кольцова, как М. Де-Пуле, полагает, что и в поведении самого Кольцова по отношению к Белинскому присутствовал значительный элемент игры, выстраивания своего образа таким, каким его хотел видеть критик. (*Де-Пуле М. Алексей Васильевич Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878. С. 78.*)

тельно давшееся Некрасову письмо дошло в четырех вариантах. Наиболее важен для нас второй, содержащий комментарий к интересующему нас фрагменту из писем Белинского, опубликованному Тургеневым в его воспоминаниях о критике:

Я был очень беден и очень молод, восемь лет боролся я с нищетою, видел лицом к лицу голодную смерть; в 24 года я уже был надломлен работой из-за куска хлеба. Не до того мне было, чтоб жертвовать своими интересами чужим. Белинский это понимал, иначе не написал бы в том же самом первом, обвиняющем меня письме, что он «и теперь меня высоко ценит». <...> Я не был точно *идеалист* (иначе прежде всего не взялся бы за журнал, требующий (далее зачеркнуто: как коммерческое предприятие расчетливости и устойчивости, выдержанности в однажды установленном плане) практических качеств), еще менее был я ровня ему по развитию; ему могло быть скучно со мною, но помню, что он всегда был рад моему приходу. Отношения его ко мне до самой смерти сохранили тот характер, какой имели вначале. Белинский видел во мне богато одаренную натуру, которой недостает развития и образования. И вот около этого-то держались со мной его беседы со мною, (далее зачеркнуто: он ловил меня часто на словах — и это одно слово давало ему повод высказать мне многое, что было для меня и ново и полезно) имевшие для меня значение поучения (15, 1, 94–95).

Некрасовская характеристика его отношений с Белинским выглядит и как проделанный задним числом анализ, и как изложение осознанной программы поведения. Эта программа для самого Некрасова, видимо, была связана с трудностью совмещения экономической, коммерческой рациональности, которой он руководствовался, с высшими моральными требованиями, на отсутствие которых в нем сетовал Белинский. В некрасовском письме трудности приобретают своего рода стилистический характер, характер «трудностей перевода». Они отражаются, прежде все, в правке, которой подверглось письмо, правке, отражающей по-прежнему мучительные усилия, с которыми Некрасов подбирает слова для того, чтобы охарактеризовать отношения между ним и Белинским. Так «полезное и новое» заменяется «значением поучения», а описание журнала «как коммерческого предприятия», требующего «расчетливости и устойчивости, выдержанности в однажды установленном плане», заменяется просто журналом, «требующим практических качеств». «Коммерческий» язык переводится на теоретический язык самого Белинского, язык «высшего», «объективного права».

Фундаментальное смысловое различие между языками оказывается непреодоленным. Ни описать приемлемо свои отношения с Белинским, ни «облагородить» причины своего поступка с ним Некрасову не удастся. Письмо, видимо, не было ни закончено, ни отправлено Салтыкову.

В стихотворении «Я за то глубоко презираю себя...» произошла неудача, аналогичная неудаче совместить идеализированные представления о крупном и честном капиталисте и реальную экономическую практику. Некрасову не удалось в этом тексте перевести желание богатства на поэтический язык, превратить экономику в поэзию. Жесткая, «грязная», по выражению Белинского, реальность экономических отношений выступила на поверхность из-за поэтической формы. Эта реальность, и в этом суть дела, реконструируется даже слишком легко, и именно традиционная датировка стихотворения позволяет ее увидеть. Упоминание о «гощении» у Герцена в Соколове летом 1846 года как об обстоятельстве, в котором создавалось «Я за то глубоко презираю себя...», не указывая на связь ведшихся там разговоров с содержанием стихотворения, тем не менее, дается Некрасовым неспроста. Это указание соотносит стихотворение с теми обстоятельствами, которые связаны для самого Некрасова с этим «гощением». Прежде всего, нужно вспомнить, что 1846 год — это время, когда Некрасов начал добиваться значительных коммерческих успехов. В 1845 году вышел альманах «Первое апреля», тогда же «Физиология Петербурга», в самом начале 1846 года — «Петербургский сборник». Все это успешные коммерческие предприятия, однако, не давшие Некрасову состояния, достаточного, например, для самостоятельного издания журнала. Настоящего богатства еще ему только оставалось желать. И в этом смысле содержание стихотворения («Не скопил я себе хоть богатой казны») соответствует реальности жизни автора.

В начале того же 1846 года Белинский собирает материалы для своего собственного альманаха «Левиафан». В мае 1846 года он едет на юг вместе с М. С. Щепкиным, в Москву приезжает только в октябре и летом в Соколове не присутствует. Заботу о «Левиафане» он, уезжая, оставляет Некрасову³³. И именно этим летом Некрасов побывал не только в Соколове, но и в казанском имении Григория Толстого, с которым он вместе с Панаявым вел переговоры о взятии в аренду журнала «Современник»³⁴. В середи-

³³ Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. С. 440–456.

³⁴ Анализ этого эпизода, показывающий, что замысел Некрасова издавать «Современник» возник еще до поездки в казанское имение Григория Толстого, см.: Чуковский К. И. Григорий Толстой и Некрасов // Чуковский К. И. Люди и книги. М., 1960.

не сентября этого же года Некрасов в письме Белинскому, написанном между 21 и 26 сентября 1846 года, уже вернувшись в Петербург, убеждает его, опираясь на экономическую целесообразность, принять его коммерческо-издательский план:

Все это весьма прискорбно и поставило бы меня в крайние затруднения касательно Вашего альманаха, если б не следующее обстоятельство. Еще в Казани решили мы с Толстым и с Панаевым хлопотать о приобретении журнала, чтоб с 1847 года приступить к его изданию. На это предприятие Толст<ой> и Панаев решились употребить значительные деньги <...>

Еще в Казани мы имели в виду, когда дело удастся, списаться с Вами касательно уступки Вашего альманаха нам в журнал. Но теперь, при вышеписанных обстоятельствах, я нахожу этот оборот дела выгоднейшим для Вас и не думаю, чтоб Вы находили иначе. Мы заплатим Вам за все статьи, имеющиеся для Вашего альманаха, и за те, кои будут для него доставлены, хорошие деньги, и это будет Ваш барыш с предполагавшегося альманаха. Пишите, что Вы обо всем этом думаете и когда Вы приедете, ибо можете судить, как Ваше присутствие в Петербурге для нас теперь важно. Само собой разумеется, что мы предложим Вам условия самые лучшие, какие только в наших средствах. Работой также Вы слишком обременены не будете, ибо мы будем помогать Вам по мере сил (14, 1, 58–59).

Из этого много раз обсуждавшегося письма ясно, что и план издавать журнал без Белинского-партнера возник, вполне вероятно, именно летом 1846 года. Таким образом, легко предположить, что стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...» написано тогда, когда Некрасов решает, что умирающему Белинскому, его «учителю», не стоит предоставлять возможность стать совладельцем и соиздателем журнала. Именно это и оказывается отраженным в тексте: не просто желание обогатиться, нажать «богатую казну», но и обойти «умника», заставить его позавидовать.

Проблема Некрасова в том, что это реальное желание, касающееся реального человека, оказывается слишком прозрачным. Так происходит не только потому, что, если кольцовские «грязные» экономические дела лежали в стороне от литературы, прямо не касались и были почти неизвестны мыслителям, превращавшим его в идеальный образ честного капиталиста, то некрасовский проект был им хорошо известен и непосредственно затрагивал. Так произошло еще и потому, что экономическому предприятию в тексте не придано обобщения. Стихотворению не хватает поэтичес-

кой условности. У Кольцова желание обогатиться переводится на поэтический язык, становится обобщением и символом чего-то другого, то есть уводится от своего грубо-экономического источника достаточно простым, но вполне эффективным способом. В стихотворениях, где выражается сходное с некрасовским желанием накопить казну или сожаление о том, что этого не удалось достичь, создается условная поэтическая ситуация, чувства и мысли приписываются стилизованному персонажу. Поэтому такие слова становятся иносказаниями. Вполне вероятно, что они выражают реальное желание Кольцова, но установление связи между словами героя и личностью автора, конкретными обстоятельствами его жизни, поступками, направленными на обогащение, крайне затруднено и, можно сказать, некорректно. Потому никакая жизненная коммерческая «грязь» не может вмешаться в наше восприятие текста. В стихотворении «Я за то глубоко презираю себя...» нет никаких элементов, которые бы создавали дистанцию между автором и лирическим героем. Поэтому поиск его фактической основы становится не только возможным, но даже и необходимым для понимания стихотворения. Именно такая слишком тесная и прямая связь текста с его реальным основанием и подразумевается Некрасовым, на наш взгляд, под словом «искренне».

Неизбежно к поиску подтекста были бы склонны читатели стихотворения, если бы оно было опубликовано в то же время, когда было написано. Как кажется, контекст, присутствовавший в сознании всех, вовлеченных в историю с «Современником» (а это практически все потенциальные слушатели и читатели Некрасова в то время), угрожал тем, что в «умнике», который должен был позавидовать богатству лирического героя, увидели бы Белинского. В самих же стихах людям, не преодолевшим в себе, как выяснилось, «идеализм» и «романтизм», нельзя было бы увидеть ничего кроме насмешки, злой иронии над умирающим учителем, которого собирается ограбить слишком уж прагматичный ученик. И уж во всяком случае так должен был понять это стихотворение сам Белинский. Подзаголовок «Из Ларры» не мог защитить стихотворение от такого прочтения. Потому, в отличие от «Расчета с жизнью», стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...», в котором также было «много сказано от души» и про автора, и про Белинского, не только не было посвящено критике, но не могло быть даже прочитано ни ему, ни любому человеку из их общего окружения. Опубликовать его стало возможно только после того, как история с арендой «Современника» отошла в прошлое и стихотворение уже не должно было автоматически к ней отсылать, ког-

да оно перестало быть «искренним», а осталось только «странным», непонятым в новом контексте.

Лирика всегда основана на искренности — это ее важное свойство. Однако эта искренность не может быть «чрезмерной». Некоторые черты душевной жизни могут войти в нее только при определенных условиях, при условии того, что будут трансформированы в соответствии с определенными нормами. В этом смысле сама искренность конвенциональна, является другим обличьем или даже другим названием поэтической условности. Перейти за эту условность означает подвергнуть себя серьезному риску. Случится нечто, подобное тому, что произошло с Фердыщенко во время «*petit jeu*» в романе «Идиот». Установка на искренность никогда не отменяет рамок, перейдя которые, рискуешь вызвать не восхищение смелостью признания, а отвращение от мерзости поступка. Мы же скажем просто, что стихотворение «Я за то глубоко презираю себя...» является примером неудавшейся «идеализации», перевоплощения экономики в поэзию.